

«Она действительно не понимает» - пришел он к выводу, долго слушая ее. Она все время говорила не то, она не понимала сказанное им.

«Ты не прав, я ведь точно знаю...» - постоянно повторяла она, отмахиваясь от него руками. Ее лицо наполнялось злобой с каждой минутой все больше и больше.

Теперь она не отводила от него свой взгляд, сильно нахмутив тонкие полумесяцы бровей. Кисти рук были плотно сжаты в два маленьких изящных кулачка, украшенных золотистым блеском колец.

«Даже в гневе она прекрасна» - подумал он. Он не защищался, только медленно сел на стул, стоявший возле нее, и, не отрываясь, смотрел на ее легкое безумие.

«Как ты не можешь понимать этого, все же ясно...» - пыталась снова она что-то объяснить. Но он сидел, склонив немного голову, молча, смотря на нее.

У нее случались такие заскоки постоянно, он уже почти привык к ним. Хотя всегда оставался страх, что она выйдет из-под контроля, и он не сможет помочь ей.

Пару раз он уже успевал забрать у нее сначала нож, а потом и пилку для ногтей, которые она умело начинала превращать в оружие против себя. Ему приходилось долго сидеть, обхватив ее своими руками, сковывая все ее движения.

Она вела себя всегда одинаково. Поначалу она пыталась вырваться, царапала его руки, лицо, кусала его, топала ногами. Но он терпел, издавая временами тяжелое мычание. Убедившись, что все ее попытки бесполезны, она переставала сопротивляться, тело ее расслаблялось и полностью поваливалось на него. Но он не ослаблял свою хватку, она могла в любой момент сорваться и снова начать биться в истерике. Он удивлялся силе, наполнявшей ее в эти минуты.

Следующим этапом были ее мольбы. Она просила отпустить ее, говорила, что все прошло, она поняла глупость, которую несла. «Все прошло, правда...» - со слезами тянула она. Но так было всегда. Ему, конечно, было тяжело выносить это, но он не мог позволить себе уйти, оставив ее одну. Она могла в любой момент сорваться к окну, за которым уже зарождался алый отблеск рассветного костра.

Через несколько часов она затихла, а иногда могла даже заснуть на его руках. Он не замечал ссадины и синяки на своем теле. Только на следующий день он мог заметить, что она глубоко порезала его руку, а он даже не обработал рану. Почти все пуговицы на его одежде были оторваны, рубашка потеряла свой нормальный вид, но он не задумывался о таких мелочах. Ему нужно было помочь ей, а его израненное и уже почти обессиленное тело не заботило мозг.

«Все... - прошептала она, спустя почти час, после наступления тишины, - я не права, ты, как всегда, все знал...».

Она опустила глаза и заплакала, он не мешал ей, давая возможность избавиться от своих бредовых идей. Он уложил ее спать, не имело значения, что уже давно началось утро. Эта тяжелая ночь забрала много сил у них обоих.

Она заснула, он тихонько поцеловал ее горячий лоб. Теперь не нужно было оберегать ее, все прошло, она успокоилась. Теперь и он мог позволить себе отдохнуть. Он поправил одеяло, еще раз убедившись, что она крепко спит. Сегодняшнюю ночь он выиграл, но никто не знает, сколько их еще будет. Но на сегодня все закончилось. У него не осталось сил, чтобы думать о будущем.

Он закрыл за собой дверь и пошел к своему дому, путь был не близкий, а сил почти не осталось. Единственным его желанием было забыться во сне.

У него не получится выспаться, ведь уже через несколько часов нужно снова вставать и возвращаться назад, чтобы, когда все начнется снова, успеть оградить ее от себя самой.

Но это будет через несколько часов, а сейчас пора спать.